

ФИЛОЛОГИЯ

(специальность: 10.02.19)

УДК 81

В.Н. Шашкова

Орловский юридический институт

МВД России имени В.В. Лукьянова

г. Орел, Россия

valentina.shash@mail.ru

**ЛЕКСИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ,
ПОСВЯЩЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ
ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И ПРИМЕРНОГО УГОЛОВНОГО КОДЕКСА
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ)**

[Valentina N. Shashkova

**Lexical component of the articles covering crimes against property
(as exemplified in the Criminal Code of the Russian Federation
and the Model Penal Code of the United States of America]**

The research into the lexical component of the articles devoted to crimes against property is based on the functional-role principle of assorting nominative units, since it allows the researcher to analyze the lexical material comparatively taking into account the logical operations employed for categorizing the vocabulary used to describe the reference zone. Lexical clusters related to the semantic field "Crimes against Property" are distinguished. Hyper-hyponymic relations are identified as a regular type of lexical-semantic relations within the terminological subsystem of criminal law, which covers crimes against property. Among the mechanisms of nomination, the specification of the significative meaning of the nominative unit through the introduction of an additional lexeme, functional transfer, metonymy and conversion are pinpointed.

Key words: nominative unit, reference zone, hyper-hyponymic relations, specification of the significative meaning, functional transfer, metonymy, conversion.

Утвердившаяся в языкознании когнитивно-дискурсивная парадигма предопределяет внимание исследователей к сфере коммуникации, в которой

происходит текстовая деятельность, а также к избирательности языковых средств, обслуживающих эту сферу. Актуальность настоящей статьи, с одной стороны, определяется внешними факторами: в силу отличий правовых систем семантические поля «Преступления против собственности» и «Crimes against Property» изобилуют номинативными единицами, которые отличаются как по объему содержания, так и по структурным характеристикам. С другой стороны, актуальность выбранной темы обусловлена тем, что в теории номинации к настоящему моменту накоплен значительный материал, на основании которого возможно выявить модель презентации единиц, формирующих соответствующие семантические поля для разных языков. Цель статьи – выявление специфики языковой формы и семантического наполнения наименований преступлений против собственности в статьях анализируемых кодексов. Материалом для исследования послужили статьи Уголовного кодекса Российской Федерации (далее *УК РФ*): статьи 158, 158.1, 159, 159.1, 159.2, 159.3, 159.5, 159.6, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168 и Примерного уголовного кодекса Соединенных Штатов Америки (далее *МРС*): статьи 220.1-220.3, 221.1-221.2, 222.1, 223.1-223.9, 224.1-224.14.

В процессе исследования применялись следующие общенаучные методы теоретического научного познания: анализ, синтез, обобщение, классификация исследуемого материала, а также методы эмпирического познания: наблюдение, описание, сравнение. Классификация номинативных единиц осуществлялась с опорой на функционально-ролевой принцип [8, с. 193]. Основным лингвистическим методом, использованным в исследовании, являлся семантический анализ. Кроме того, мы также обратились к анализу механизмов номинации, которые использованы в исследуемых нормативных правовых актах на двух языках: русском и английском. Мы в первую очередь дифференцировали все механизмы номинации, актуализированные в комплексных наименованиях преступлений против собственности. Соответственно, мы ориентировались на отнесение уточнения сигнификативного значения комплексного номинатива посредством дополнительной лексической единицы к механизмам прямой, или первичной номинации. Среди механизмов косвенной номинации рассматривались метафора, метонимия, синекдоха как разновидность метонимии, аналогия и конверсия [8].

Важнейшей предпосылкой нашего исследования был тезис о том, что лексический компонент оформления речи в любой сфере общения является первичным индикатором референтной области, так как именно он отражает концептуальное содержание тех номинативных единиц языка, которые образуют соответствующее референтной области лексико-семантическое поле. Для системного представления номинативных средств, использованных в обоих анализируемых кодексах, мы обратились к такой когнитивной структуре хранения и представления знания, как пропозиция, которая трактуется в соответствии с концепцией Дж. Андерсона [9, с. 426]. Иными словами, пропозиция понимается не как компонент функциональной семантики высказывания [5], а именно как когнитивная структура, которая, с одной стороны, отражает ситуацию в сфере общения, с другой стороны, позволяет провести системную категоризацию номинативных единиц, которые используются при описании соответствующей референтной области. В этом смысле пропозиция позволяет выделить кластеры лексики на основании функционально-ролевого принципа.

Для иллюстрации возможностей использования функционально-ролевого подхода к выявлению парадигматической организации единиц семантического поля обратимся к языковому материалу. Так, актанты в исследуемых статьях представлены следующими номинативами: «потерпевший», «гражданин», «собственник», «владелец», «индивидуальный предприниматель», «коммерческая организация», «страхователь», «виновный», «группа лиц» / «организованная группа», «осужденный» [6]. В приведенном списке обращают на себя внимание три лексические единицы, образованные конверсией, точнее – номинализацией: *потерпевший*, *виновный*, *осужденный*. Для юридического «подъязыка» [4, с. 15] конверсия как способ словообразования и как механизм номинации является относительно частотной.

Наиболее частотная лексическая единица обобщенной семантики «лицо» в статьях УК РФ, посвященных преступлениям против собственности, имеет денотативную закрепленность: она относится к человеку, совершившему деяние. Кроме того, та же лексема обнаруживает синтагматическую закрепленность, так как частотно актуализируется в следующем контексте: «лицо, совершившее деяние ...».

Общая номенклатура актантов в МРС несколько шире. Наиболее частотная единица – а person – используется с разной референтной отнесенностью, называя как лиц, совершивших преступное деяние, так и пострадавших от совершенного деяния.

Актант также обозначается в текстах статей, посвященных преступлениям против собственности, посредством лексемы «actor». Семантический объем этой лексемы уже, а референтная отнесенность ограничена: она используется только для номинации лица, совершившего преступление.

Иногда актант вербализован в тексте статей, посвященных преступлениям против собственности, описательным способом: «one who enters without privilege» (тот, кто входит в здание или помещение, не имея на это привилегированного права – *перевод здесь и далее выполнен автором – В.Ш.*), «one who remains surreptitiously therein» (тот, кто тайно остается в здании или помещении, не имея на это законного права).

Лексемы, имеющие высокий удельный вес в МРС в силу той сферы коммуникации, которую он обслуживает, и встречающиеся в статьях, посвященных преступлениям против собственности, представлены следующими единицами: «offender» (правонарушитель), «defendant» (подзащитный), «lawyer» (юрист) [10]. Еще два примера интересны использованным механизмом номинации. В собирательных существительных «the defense» (защита) и «the prosecution» (обвинение) реализован механизм функционального переноса: перенос значения при номинации осуществляется с функциональных ролей сторон судебного процесса на людей, представляющих защиту и обвинение соответственно.

Следующая подгруппа актантов представлена следующими примерами: «intruder» (лицо, неправомерно захватывающее чужую недвижимость или чужие права), «dealer (in property)» (агент по сбыту собственности), «pawnbroker» (ростовщик), «creditor» (кредитор), «issuer» (лицо, выдавшее вексель, или орган, выдавший документ), «drawee» (лицо, на которое выписывается чек), «partner» (партнер), «agent» (агент), «employee» (подчиненный), «official» (служащий), «director» (директор), «manager» (менеджер, управляющий), «deceiver» (мошенник), «owner (of the premises)» (владелец недвижимости), «beneficiary» (лицо, в пользу которого будут производиться выплаты), «guardian» (опекун), «trustee» (лицо, распоряжающееся имуще-

ством на началах доверительной собственности), «fiduciary» (фидуциарный управляющий), «advisor» (советник), «informant» (информатор) [10]. Приведенные примеры демонстрируют наименования профессий, а также функциональных ролей лиц, которых затрагивают определенные преступления против собственности.

Этот кластер лексики, широко представленный в анализируемых статьях, позволяет выявить системные связи в терминологической системе уголовного права применительно к преступлениям против собственности. Так, в частности, на материале английского языка мы выделили следующие примеры реализации гиперо-гипонимических отношений:

- а) *professional advisor* (профессиональный консультант) → *lawyer* (юрист), *physician* (врач), *accountant* (бухгалтер), *appraiser* (оценщик);
- б) *judge* (судья) → *arbitrator* (судья, участвующий в судебном разбирательстве), *adjudicator* (человек или группа лиц, которые принимают официальное решение при рассмотрении спора об урегулировании разногласий), *referee* (рефери в арбитражном судопроизводстве – лицо, которому суд направляет рассматриваемое дело для снятия показаний, заслушания сторон и последующего доклада суду).

Количественно эта группа лексики в УК РФ представлена не столь репрезентативно, как в МРС. Однако и здесь кластер лексики, реализующий гиперо-гипонимические отношения, денотативно связан с потерпевшим: *потерпевший* → *гражданин, собственник, владелец, индивидуальный предприниматель, коммерческая организация, страхователь*. В силу полисемии, отмеченной у выделенных наименований актантов, нужно отметить, что все рассматриваемые номинативные единицы в статьях, покрывающих преступления против собственности, денотативно соотнесены с потерпевшим.

Глагольные группы, формирующие комплексные номинативы, отражают действия, совершенные актантами, и включают в себя следующие единицы: «совершить деяние (мошенничество / хищение / разбой / кражу)», «повлечь причинение значительного ущерба», «повлечь тяжкие последствия / смерть», «причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких», «совершить деяние путем ...» [6]. Как видно из приведенных примеров, список глагольных фраз относительно немногочислен. С одной стороны, это объясняется общей тенденцией

номинализации в текстах официально-делового стиля, к которым относятся нормативные правовые акты. С другой стороны, глаголы-сказуемые в своем употреблении редуцированы до тех структур, которые будут представлены ниже в рамках рассмотрения синтаксического параллелизма. В этом случае речь идет о требованиях жанра: устойчивая композиционная структура и избирательность средств выражения отдельных композиционных фрагментов являются маркерами жанра.

В МРС глагольных фраз значительно больше. В зависимости от семантического типа подлежащего, к которому они относятся, их можно подразделить на следующие подгруппы:

- а) «to commit a crime / an offense» (совершить преступление / правонарушение) (ст. 220), «to set fire to personal property» (поджечь личное имущество) (ст. 220), «to cause a fire or explosion» (вызвать пожар или взрыв) (ст. 220), «to destroy another's building» (разрушить чужое имущество) (ст. 220), «to cause another to suffer pecuniary loss» (причинить другому материальный ущерб) (ст. 220.3), «to inflict or attempt to inflict bodily injury on anyone» (нанести или попытаться нанести кому-л. телесные повреждения) (ст. 221.1), «to put smb in fear of bodily injury» (запугать кого-л. нанесением телесных повреждений) (ст. 222), «to receive, retain or dispose of stolen property» (получить, хранить или распорядиться украденным имуществом) (ст. 223.6) [10];
- б) «to define a series of offenses» (определить серию преступлений) (ст. 220), «to cover the destruction of property» (покрывать разрушение собственности) (ст. 224.3), «to authorize felony sanctions / misdemeanor penalties» (служить основанием для применения санкций за тяжкие преступления / штрафов за проступки) (ст. 223.6) [10];
- в) «to prove smth by the preponderance of evidence» (доказать что-л. по принципу перевеса доказательств) (ст. 223.1), «to accuse smb of a criminal offense» (предъявить кому-л. обвинение в уголовном преступлении) (ст. 223.4) [10].

Рассмотренные глагольные фразы четко определяют тип подлежащего в силу валентностных свойств: действия, вербализованные комплексными номинативами первой группы, предцированы преступнику; для глагольных фраз второй группы подлежащим будет соответствующая статья закона, вы-

полняя при этом семантическую функцию инструменталиса [7, с. 405]; комплексные номинативы третьей группы соотнесены с представителями правоохранительных органов.

Следующая лексическая группа представлена наименованиями типов преступлений, попадающих под категорию «преступления против собственности». В УК РФ эта группа представлена следующими единицами: «кража», «мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию», «мошенничество», «присвоение», «растрата», «грабеж», «разбой», «вымогательство», «хищение предметов, имеющих особую ценность», «причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием», «неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения», «умышленное уничтожение или повреждение имущества, уничтожение или повреждение имущества по неосторожности» [6].

Эта же группа номинативных единиц, именуемых преступлениях против собственности в МРС, реализована следующими единицами: «arson and related offenses» (поджог и родственные ему посягательства), «causing or risking catastrophe» (причинение или создание риска причинения бедствия), «criminal mischief» (преступная халатность), «burglary» (кража со взломом), «criminal trespass» (преступное нарушение владения), «robbery» (разбой), «theft and related offenses» (хищение и родственные ему посягательства), «forgery and other fraud» (подлог и другие виды мошенничества) [10].

В УК РФ гипероним «мошенничество» в качестве гипонимов имеет следующие комплексные номинативы: «мошенничество в сфере кредитования», «мошенничество при получении выплат», «мошенничество с использованием электронных средств платежа», «мошенничество в сфере страхования», «мошенничество в сфере компьютерной информации». Согипонимы также подлежат категоризации по двум семантическим критериям: 1) сфера совершения мошеннических действий: «мошенничество в сфере кредитования», «мошенничество в сфере страхования», «мошенничество в сфере компьютерной информации»; 2) обстоятельства мошенничества, включая образ действия и используемые инструменты: «мошенничество при получении выплат», «мошенничество с использованием электронных средств платежа».

В МРС гипероним «fraud» реализован следующими гипонимами: «forgery» (подлог или подделка документа), «simulating objects of antiquity, rarity, etc.» (подделка под старинные, редкие и другие предметы, представляющие ценность), «destruction, removal, or concealment of recordable instruments» (уничтожение, сокрытие или изъятие документов, подлежащих регистрации), «tampering with records» (фальсификация записей), «bad checks» (недействительные чеки), «credit cards» (мошенничество с кредитными картами), «deceptive business practices» (мошенничество в деловых отношениях), «commercial bribery and breach of duty to act disinterestedly» (коммерческий подкуп и нарушение обязательства действовать бескорыстно), «rigging publicly exhibited contest» (жульничество на публичных соревнованиях), «defrauding secured creditors» (обман кредиторов по обеспеченному долгу), «fraud in insolvency» (обман в случаях неплатежеспособности), «receiving deposits in a failing financial institution» (прием депозитов в неплатежеспособное финансовое учреждение), «misapplication of entrusted property and property of government or financial institution» (злоупотребление вверенным имуществом и имуществом, принадлежащим государству или финансовому учреждению), «securing execution of documents by deception» (обеспечение исполнения документов обманным путем) [10].

В приведенном списке обращают на себя внимание два повторяющихся механизма косвенной номинации, а именно: метонимия и конверсия. Метонимия реализована отглагольными существительными в качестве смыслового и синтаксического ядра представленных именных групп: *destruction, removal, concealment, bribery, breach, fraud, misapplication*. Все эти отглагольные существительные являются результатом переноса с процесса на результат. Они представляют собой свернутые пропозициональные структуры, наиболее существенные элементы которых эксплицированы в поверхностной структуре соответствующих именных групп. Так, в комплексном номинативе «*destruction, removal, or concealment of recordable instruments*» (уничтожение, сокрытие или изъятие документов, подлежащих регистрации) эксплицирован объект действий: *recordable instruments* – документы, подлежащие регистрации.

Ядерные компоненты следующих фраз реализованы герундием: *simulating, tampering, rigging, defrauding, receiving, securing*. В этом случае речь идет о таком семантико-синтаксическом механизме номинации, как конверсия.

Герундий в составе каждой фразы сохраняет свои глагольные свойства, синтаксически принимая прямое дополнение. При этом семантика результата свидетельствует о номинализации глагольной формы.

Еще одна лексическая группа, выявленная на материале статей, посвященных преступлениям против собственности, в МРС представлена гиперонимом «theft». Гипонимами в этой группе выступают следующие комплексные номинативные единицы: «theft by unlawful taking or disposition» (хищение путем незаконного изъятия имущества или незаконного распоряжения имуществом), «theft by deception» (хищение путем обмана), «theft by extortion» (хищение путем вымогательства), «theft of property lost, mislaid, or delivered by mistake» (хищение утраченного имущества, имущества, положенного в ненадлежащее место, или имущества, доставленного по ошибке), receiving stolen property (приобретение похищенного имущества), theft of services (хищение услуг), «theft by failure to make required disposition of funds received» (хищение путем уклонения от надлежащего распоряжения приобретенными средствами), «unauthorized use of automobiles and other vehicles» (использование автомобилей и других транспортных средств без разрешения) [10].

Как видно из приведенных примеров, среди вариантов отношений, свидетельствующих о языковой системности в лексико-семантическом поле, отражающем реалии референтной области «Преступления против собственности», широкую представленность имеют гиперо-гипонимические отношения.

Кроме собственно имен преступлений, применительно к объекту, трактуемому с точки зрения функциональной роли в структуре пропозиции, в УК РФ гиперо-гипонимические отношения реализуются также следующими лексемами и комплексными номинативами:

- а) имущество → жилище, помещение, строение, сооружение, постройка, хранилище (статья 158);
- б) выплаты → пособия, компенсации, субсидии, иные социальные выплаты, установленные законом (статья 159.2).

В МРС гиперо-гипонимические отношения представлены следующими примерами:

- а) property (собственность) → real estate (недвижимое имущество), tangible personal property (материальное личное имущество), intangible personal property (нематериальное личное имущество), contract rights (пра-

ва, вытекающие из договоров), *choses-in-action* (имущество в требованиях), *admission tickets* (входные билеты), *transportation tickets* (проездные билеты), *captured animals* (пойманные животные), *domestic animals* (домашние животные), *food* (пища), *drink* (питье), *electric power* (электрическая энергия) (статья 223);

б) *financial institution* (финансовый институт) → *bank* (банк), *insurance company* (страховая компания), *credit union* (кредитное объединение), *building and loan association* (объединение по строительству и займам), *investment trust* (инвестиционный трест) (статья 223).

Сигнификативное значение терминов, являющихся согипонимами в ряду терминов, уточняется при помощи определения, относящегося к ядерному компоненту фразы. Например: «*жилая* постройка», «*социальные* выплаты» находим в УК РФ. Модели реализации механизма уточнения сигнификативного значения из МРС более разнообразны по своей синтаксической структуре. Типовой вариант рассматриваемого механизма номинации реализуется через следующие комплексные номинативы: «*domestic animals*», «*captured animals*», «*electric power*», «*tangible personal property*», «*intangible personal property*». В данных примерах уточнение сигнификативного значения лексемы происходит за счет введения определения, выраженного прилагательным или причастием или же введением двух последовательных определений для уточнения семантики ядерного компонента именной группы. Еще один вариант реализации механизма уточнения сигнификативного значения в рамках именных групп представлен введением определения, выраженного существительным: «*admission tickets*», «*transportation tickets*», «*contract rights*».

В рамках группы номинативных единиц, объединенных обстоятельными значениями, наиболее широкую представленность в текстах статей, касающихся преступлений против собственности, имеет кластер со значением образа действия.

В УК РФ встречаются следующие комплексные номинативы: «путем обмана / злоупотребления доверием (ст. 159) / представления кому-л. заведомо ложных или недостоверных сведений (ст. 159.2) / умолчания о фактах (ст. 159.2) / ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации (ст. 159.6) / поджога, взрыва или иным общеопасным способом (ст.167)»; «по предварительному сговору» (ст. 158), «с использованием служебного положения»

(ст. 160), «организованной группой» / «группой лиц» (все статьи Главы 21 УК РФ) [6]. Примеры показывают высокую плотность употребления предложных фраз: широкий спектр использования производного предлога «путем», а также случаи употребления первообразных предлогов *по* и *с*.

Примерами из MPC служат следующие номинативные единицы: *recklessly* (по неосторожности) (ст. 220.1), *knowingly* (умышленно) (ст. 220.2), *purposely* (намеренно) (ст. 220.2), *by explosion* (взрывом / вследствие взрыва) / *fire* (вследствие пожара) / *flood* (вследствие наводнения) / *avalanche* (вследствие лавины) / *collapse of building* (вследствие обрушения здания) / *release of poison gas* (вследствие выброса ядовитого газа) / *radioactive material* (вследствие воздействия радиоактивного материала (ст. 220.2), *by negligence* (по неосторожности) (ст. 220.2), *by unlawful taking or disposition*» (путем незаконного изъятия имущества или незаконного распоряжения имуществом) (ст. 223.1), *by deception* (путем обмана) (ст. 223.3), *by extortion* (путем вымогательства) (ст. 223.4), *by failure to make required disposition of funds received*» (путем уклонения от надлежащего распоряжения приобретенными средствами) (ст. 223.8) [10]. Можно заключить, что помимо типичных наречных модификаторов, передающих значение образа действия, использование предложных именных фраз и предложных герундиальных фраз с предлогом *by* имеет системный характер.

Наименования санкций, отраженных УК РФ, включают следующие номинативные единицы: «штраф», «обязательные работы», «исправительные работы», «ограничение свободы», «принудительные работы», «арест», «лишение свободы». В MPC лексико-семантическая группа «Виды наказаний» применительно к преступлениям против собственности представлена следующими номинативными единицами: «*fine*» (штраф), «*imprisonment*» (тюремное заключение), «*forfeiture of the right to do business*» (лишение права на ведение бизнеса). С точки зрения номинации и в русском, и в английском языках обращают на себя внимание два аспекта: с одной стороны, реализация метонимии как переноса с процесса на наименование наказания (ср.: «лишение свободы» и «*imprisonment*»); с другой стороны, использование дополнительных лексических единиц для уточнения сигнификативного значения комплексных номинативов. Последний аспект в русском языке преимущественно реализован оценочными прилагательными («*обязательные работы*», «*принудительные работы*» – внешняя социальная контролируемая необходимость [3, с. 123–126], «исправительные ра-

боты» – частная телеологическая оценка [2, с. 188–200]; комплексный номинатив в английском языке при применении метода непосредственных составляющих [1, с. 332] распадается на два семантических компонента: *forfeiture* + номинатив *the right to do business*, распадающийся в свою очередь на ядро *the right* и определение, выраженное инфинитивной фразой *to do business*), демонстрируя возможность последовательного применения одного механизма номинации для формирования терминологического сочетания.

Анализ лексического компонента статей, касающихся преступлений против собственности, позволил сделать следующие выводы.

Наполненность каждого кластера лексики в русском и английском языках разнится в силу ряда причин. К таковым относятся, с одной стороны, отличия правовых систем, с другой стороны, реалии, характерные для одной страны и нехарактерные для другой, а также сам факт того, что МРС был написан в те времена, когда речь не шла о преступлениях, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий.

В качестве регулярного типа лексико-семантических отношений в пределах терминологической подсистемы уголовного права, покрывающей отрасль преступлений против собственности, выделены гиперо-гипонимические отношения. Это связано с необходимостью уточнения компонентов состава преступления, именно поэтому они с высокой долей частотности вербализованы в составе комплексных номинативов.

Номенклатура механизмов номинации, реализуемых в рассматриваемых статьях, включает уточнение сигнификативного значения номинативной единицы посредством введения дополнительной лексемы, функциональный перенос, метонимию и конверсию.

В перспективы настоящего исследования входит выявление общих тенденций номинализации на материале нормативных правовых актов для дальнейшего сопоставления с текстами других жанров в рамках юридического дискурса и далее – на материале текстов другой дискурсивной природы. Такое исследование позволит показать, что базовые аспекты, совпадающие в двух языках, будут фундаментальной основой сопоставления, так как они обусловлены экстралингвистическими факторами, в частности, сферой общения и референтной областью, к которой относятся номинативные единицы. На фоне базовых характеристик можно будет выделить специфику и факторы, ее обуславливающие.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Апресян Ю.Д.* Метод непосредственных составляющих // *Языкознание: Большой энциклопедический словарь*. Гл. редактор В.Н. Ярцева. М., 1998.
2. *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
3. *Беляева Е.И., Цейтлин С.Н.* Соотношение значений возможности и необходимости в семантической сфере потенциальности // *Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность*. Л., 1990.
4. *Городецкий Б.Ю.* Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XXIV. М., 1989.
5. *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. М., 2000.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 08.12.2020): [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 12.12. 2020).
7. *Филлмор Ч.* Дело о падеже // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. X. М., 1981.
8. *Шашкова В.Н.* Анализ средств и механизмов номинации, используемых при описании референтной области «Деятельность сотрудника ОВД» (на материале русского и английского языков) // *Проблемы лингвистики, методики обучения иностранным языкам и литературоведения в свете межкультурной коммуникации: сборник материалов III Международной научно-практической конференции (26-27 марта 2018 г.)* / под ред. О.Ю. Ивановой. Орел, 2018. С. 192-199.
9. *Anderson J. R.* A theory for the recognition of items from short memorized lists // *Psychological Review*, 1976. Vol. 86.
10. Model Penal Code. Official Draft and Explanatory Notes. Philadelphia, PA. The American Law Institute, 1985. [Electronic resource]. URL: <https://www.ali.org/publications/show/model-penal-code/> (reference date 04.11.2020).

R E F E R E N C E S

1. *Apresyanyan Yu.D.* Method of immediate constituents // *Linguistics: Big Encyclopedic Dictionary*. Ch. editor V.N. Yartseva. M., 1998.

2. *Arutyunova N.D.* Types of language meanings. Evaluation. Event. Fact. M., 1988.
3. *Belyaeva E.I., Tseitlin S.N.* Correlation of the meanings of possibility and necessity in the semantic sphere of potentiality. L., 1998.
4. *Gorodetskii B.Yu.* Computer linguistics: language communication modeling // New in foreign linguistics. Issue XXIV. M., 1985.
5. *Kobozeva I.M.* Linguistic semantics. M., 2000.
6. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-Fz of June 13, 1996. [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (reference date 12.12.2020).
7. *Fillmore Ch.* The case for case // New in foreign linguistics. Issue X. M., 1986.
8. *Shashkova V.N.* The analysis of nomination means and mechanisms used to describe the reference zone “The Law Enforcement Official’s Activities” (as exemplified in Russian and English) // Proceedings of the Third International Scientific and Practical Conference “The Problems of Linguistics, methodology of teaching and the theory of literature in light of intercultural communication”. Orel, 2018.
9. *Anderson J. R.* A theory for the recognition of items from short memorized lists // Psychological Review, 1976. Vol. 86.
10. Model Penal Code. Official Draft and Explanatory Notes. Philadelphia, PA. The American Law Institute, 1985. [Electronic resource]. URL: <https://www.ali.org/publications/show/model-penal-code/> (reference date 04.11.2020).

3 февраля 2021 г.
